

Сурков Матвей Михайлович
1886-1952

По страницам воспоминаний участника революционных событий 1917–1921 годов на территории Новосибирской области **Суркова Матвея Михайловича.**

Материал подготовил внук М.М. Суркова заслуженный артист РФ **В.В. Карасёв.**

5

Как только я более-менее пришёл в себя, то решил идти на восток в сторону дома. Конечно, понимал, что положение моё тяжёлое, сил было мало, не знал, что творится вокруг, казалось, опасность была всюду. Шёл я около двух недель, в основном по ночам, хорошо ещё, что было лето, тепло. Деревни старался обходить, так как узнал, что вставшие у власти

---

* Окончание. Начало в «Сибирском парнасе». Выпуск 2(3).

буржуйские элементы и кулаки организовали на таких, как я, охоту. Желаящие находились, ловили нас и убивали прямо в лесу, в поле или арестовывали, и дальнейшая судьба таких людей была неизвестна. Питался чем придётся, очень исхудал и, когда под деревней Старый Карапуз у грязной речки, где я прятался в камышах, увидел проезжающих знакомых из Нижнего Каргата, обрадовался, но сразу подойти боялся. На бричке, запряжённой лошастью, ехали Зиновьев Кондратий Иванович с сыном. Я всё же подошёл к ним, поздоровался, но они меня узнали не сразу, потом расспросили откуда я и какая обстановка там, откуда иду. Я им всё рассказал. Старик был человек умный, всё понял и говорит:

– Ладно, давай вот одевай мой плащ, шапку, обвяжись верёвкой, возьми рукавицы и будешь у нас как бы извозчик, никто не узнает.

Так и ехали. На подъезде к Нижнему Каргату у поскотины нас встретила жена Здвинского Мария Фёдоровна, она всё ждала и надеялась, что может быть мужу удастся сбежать, часто выходила за село, на всякий случай. Она сказала, что Здвинского увезли в Новониколаевск, и предупредила, что в деревню мне заходить никак нельзя, буржуи теперь тут властвуют, они настроили народ так, что если поймают Здвинского или Суркова, то их уничтожат самосудом, просто убьют. Я отдал Зиновьеву одежду, попросил его и сына про меня никому в деревне не говорить и, не теряя ни минуты, ушёл в лес, а они прихватили Марию Фёдоровну и поехали в село.

С этого дня я стал жить, как бродяга, где придётся. Было лето, тепло, жил в шалашах и постепенно находил своих единомышленников, которые тоже меня скрывали и всячески помогали. Это были такие люди: Гераскин Михаил Петрович, Гераскин Павел Иванович, Черников Федосей Никитич, Гришин Фёдор Устинович, Егоров Пётр Дмитриевич, Ми-

хеев Фёдор Никонович, Косов Дмитрий Васильевич, Косов Пётр Васильевич, Соловьёв Прокопий Сергеевич, Антонов Андриян Дмитриевич, Головкин Иван Михайлович, Леонов Яков Архипович, Аксёнов Никандр Николаевич. Стало жить веселее, появилась уверенность, что у меня есть единомышленники и мы ещё поборемся за Советскую власть.

Однажды в волость приехали два офицера, как они говорили, по поручению какого-то Гришина-Алмазова для мобилизации мужиков в их армию. Ко мне приехали Чернышов Федосей и Гришин, всё рассказали, и мы советовались, как же быть мужикам, что же делать. Ещё сказали, что местные буржуи подали офицерам список якобы сочувствующих большевикам на 96 человек. Я с ними решил поехать на это собрание. Съезд собрали на улице, рядом с волостным управлением, председательствовал провокатор Рябов Трофим. Я стоял в сторонке, слушал, о чём говорят. Оказалось, что один офицер был здесь, выступал на собрании, а второй уехал в Сарыбалык. Офицер долго говорил, но крестьяне ничего не могли понять, стояли молча. Потом я не вытерпел, вышел вперёд и спросил офицера:

– А скажите, как вас называть? Гражданин, господин, товарищ или как?

– Товарищ.

– Приятно слышать, что вы выдаёте себя за товарища, но из ваших слов и вашего выступления я понял, что вы нам такой же товарищ, как волк – барану. Ответьте лучше нам на вопрос, какую вы власть представляете, что она хочет для народа сделать хорошего и вообще, кто вас сюда прислал и чьи приказы вы выполняете?

– Я выполняю приказы Гришина-Алмазова.

– А кто он такой и чего хочет?

Офицер сказал что-то непонятное, толком не мог и объяснить. Тогда я обратился к людям.

– А чего вы все молчите? Ведь вас и ваших сыновей могут взять на погибель неизвестно кто и неизвестно за что.

– Так нам ведь тут и говорить нельзя, – сказал Гераскин Павел Иванович.

– Это почему?

– А потому, что наши власти подали офицерам список на 96 человек, которых должны скоро арестовать.

– Так почему же вы молчите и в своей среде держите таких сволочей, которые хотят вас сдать неизвестно кому, на погибель? Давить таких надо. Они хотят отнять у вас сыновей и власть, которую рабочий и крестьянин добились своей кровью, потом и честным трудом. Не место на земле таким мерзавцам!

Весь съезд заволновался, зашумел, закричали: «Правильно говорит, не отдадим мужиков!»

Я подошёл к офицеру и потребовал отдать тот список. Нас плотно окружили мужики. Он испугался и стал клясться, что списка у него нет, он, мол, видел список, слышал фамилии, но не помнит их, ведь они ему не знакомы. «Наверное, список у того офицера, который уехал в Сарыбалык», – подсказал кто-то из мужиков. Офицера обыскали, но списка не нашли.

Пока мы тут с мужиками разбирались с офицером, из помещения волости вытащили волостного писаря Климова Андрея Фёдоровича. Мужики тащили его силой, лупили по ходу, порвали рубашку, но он всё-таки сумел вырваться, побежал к недалеко стоявшей телеге, быстро отвязал привязанную к ней лошадь и ускакал в степь, за деревню. Тогда Гераскин М.П., Черников Ф.Н. и Гришин тоже нашли лошадей и верхами поскакали в Сарыбалык. Там они нашли второго офицера, отобрали у него список, который ему представил волостной писарь, и вернулись в Нижний Каргат. Ещё собрание не успело полностью разойтись, когда они приехали и в

итоге постановили не отдавать в солдаты ни одного мужика. Офицеры уехали ни с чем.

Через день у нас была тайная встреча с моими единомышленниками, то есть со сторонниками установления власти Советов рабочих и крестьян. Я обратился к ним с просьбой вербовать в наши ряды лучших товарищей, но ни в коем случае не связываться с неустойчивыми и ненадёжными людьми, они нас всех могут просто погубить. Вести среди мужиков потихоньку, осторожно разъяснительную работу, что, мол, всё равно власть Советов вернётся. Если пришлют в нашу волость милицию, то, может быть, придётся её разоружить и начать подготовку партизанского движения. Если ещё приедут мобилизовывать наших мужиков колчаковцы или ещё кто там, то новобранцев не давать, а постараться их привлекать на нашу сторону для будущей борьбы с буржуазно-кулацкой властью.

Наверное, в это же время наши враги и противники во главе с богачом, хозяином мельницы и зятем здешнего попа прапорщиком Каршевым также проводили свои собрания с целью обязательно истребить меня, в первую очередь, а потом и остальных моих единомышленников. О том, что они намеревались меня убить, мне через людей передал младший, 14-летний брат волостного писаря. Оказывается, старший брат его побил, он затаил на него обиду и решил так отомстить. Конечно, после этого предупреждения я стал более осторожным, прятался более тщательно.

Спустя какое-то время в Нижний Каргат прибыл казачий офицер. Вновь проводил собрание, я на нём присутствовал, но не выступал, а стоял тихо в сторонке, в толпе. Опять говорил о мобилизации мужиков в армию Колчака, но так ничего и не добился. После окончания собрания, когда стали расходиться, офицер прямо подошёл ко мне. Наверное, ему местные

буржуи и провокаторы доложили про меня, он рукоятку плётки положил мне на грудь и сказал: «Я знаю, что это ты тут мутишь воду, но помни, я – казак, а не доносчик и не собака и выдавать тебя не буду». После этого я понял, что борьбы нам не избежать, надо быть ещё осторожней и готовиться к худшему. Количество моих сторонников увеличилось, уже было 18 человек верных людей. Мы стали соображать, как вооружаться. Стали собирать охотничьи ружья, по возможности, не курковые, а «переложки», заготовливать свинец, отливать не дробь, а пули.

Вскоре опять приехали офицеры для мобилизации в армию крестьян. На этот раз они призывали поддерживать не Гришина-Алмазова, а Иванова-Ринова. Тут крестьяне и вовсе растерялись. Кто такой Иванов-Ринов, за кого наши дети должны погибать, так возмущались старики. Голосовать вообще отказались, и опять офицеры уехали ни с чем. Это очень разозлило местных буржуев. Они решили заменить выбранного раньше председателя волостного Совета, мирного человека, на своего. После этого собрания прапорщик Каршев, зять местного попа, который его подстрекал, кулак Савельев, провокаторы братья Рябовы уехали в Каинск с кем-то там советоваться. Возвратившись, снова собрали волостной съезд в помещении старой школы. Ведущим собрания был Рябов Трофим, а выступающим докладчиком – сам Каршев. Товарищи мне сказали об этом съезде, но советовали туда не появляться, потому что меня там просто могут убить. Но я не мог утерпеть и пошёл. Придя в школу, остановился в тамбуре и стал слушать. В своём докладе Каршев клеймил позором большевиков. Кто-то ему подсказал, что пришёл Сурков. Он тут же выскочил в тамбур, схватил меня за руку и вытащил на середину зала. Ко мне кинулся кулак Климов с кулаками, но Каршев его укоротил и предложил мне выступить. Пусть,

мол, расскажет о текущем моменте, о положении в стране, а мы – послушаем. Я осмотрел зал, лица людей, и мне показалось, что обстановка не так уж опасна, но попросил дать мне подумать, собраться с мыслями. Каршев согласился и стал продолжать свою речь.

Когда он закончил, начал говорить я. Видя, что меня все внимательно слушают, Каршев не выдержал и бросился на меня, но неожиданно между нами встал поселенец Дашин Никита Григорьевич, здоровый мужик. Он долго смотрел то на меня, то на Каршева, потом во всё горло крикнул:

– Чёрт вас знает, кто из вас правду говорит. Этот вроде наш брат, крестьянин, и если не обманывает, то, наверное, он прав.

А рядом стоявший Шурупов Иван Михайлович добавил:

– Верно, Дашин, говоришь! Это свой человек, а Каршев, кто он нам?

Все в зале зашевелились, зароптали, я почувствовал уверенность и ещё сильнее стал доказывать свою правду. Каршева активно поддержал прапорщик Анохин из деревни Щелчиха, но народ их уже не слушал. Спорили и ругались до самого заката солнца, а кончилось тем, что Каршев дал для голосования съезду свою резолюцию, а я – свою. Каршев писал резолюцию за столом, а мы с Гераскиным отошли в сторону, он нагнулся, и я писал свою у него на спине. Многие окружили нас и с интересом за нами наблюдали. В итоге, за его резолюцию проголосовало 15 человек, а за мою, где было сказано, что вся власть должна быть у Совета рабочих и крестьянских депутатов и никакую другую власть мы не признаем, за это подняли руки все остальные участники съезда. Буржуи и провокаторы были в бешенстве.

После окончания собрания я шёл по улице вместе с мужиками. Скоро нас обогнали верховые на лошадях, это были всё те же: Каршев, Рябов, Анохин и Савельев. Когда мы

проходили мимо дома Рябовых, из него вышли эти же мои враги. Они схватили меня за руки и силой потащили в дом, я стал звать с собой людей, но никто не пошёл. Я понял, что они хотят со мной покончить. Затащили в дом, налили стакан самогону, предложили выпить, хотя наверняка знали, что я вообще не пью. Я отказался и решил пойти на хитрость, положил на стол фуражку и попросился на двор по естественной надобности. Они засмеялись, мол, видишь, как струсил, аж на двор потянуло. Попросили Рябова Трофима проводить и за мной присмотреть. Мы вышли во двор, и тут меня выручил случай. Во дворе задрались лошади, Рябов бросился их усмирять, а я в этот момент перескочил через заплот и бросился бежать через огород. Прибежал домой, то есть, где жила жена с детьми. Было уже темно. Не успел отдышаться, сев на верстак, как в дверь постучали. Вошёл Петрухин Герасим Антонович и сказал, что мне надо срочно скрыться. Он случайно слышал, что Каршев договорился с Демановым Тарасом, чтобы тот меня застрелил. Сказал, быстро вышел и скрылся под берегом реки, а я пошёл за огороды в сторону леса. В конце улицы на брёвнах сидели мужики Юшин Егор Михайлович и Плянин Герасим Евдокимович, разговаривали между собой, и они видели, как я свернул в переулок к лесу. Но я не побежал, а лёг за углом под плетень. Очень скоро к ним подошли Каршев, Рябов, Савельев и спросили, не проходил ли тут Сурков. Я всё слышу.

– Нет, друзья, ошиблись вы, вы думаете, что он дурнее вас? Теперь он уже километра три, как витает где-то за поскотиной.

Постояв немного, эти трое пошли к дому, где жила моя семья, потом вернулись обратно и поняли, что меня упустили.

Время шло. Прошли летние месяцы, наступил сентябрь 1918 года, стало холодать. Я скрывался в лесах, так как знал, что наёмные шпики за мной следят и ищут. Домой показы-

ваться нельзя. Задуманные нами раньше планы не осуществляются. В Нижнем Каргате у меня сторонников было много, но в других деревнях и волостях кулачество и сагитированные ими многие крестьяне к Советской власти были настроены враждебно. Было о чём задуматься. Как и где дальше жить? Как идут дела на фронтах в европейской части России, дойдут ли они до нас и когда? Вопросов много... Здесь же кулаки с Каршевым активизируются, ездят по волости, агитируют народ против Советской власти, а я здесь в лесу сижу, как волк. В общем, тяжело на душе.

В Нижнем Каргате всё-таки переизбрали председателя Совета Соловьёва на подкупленного богачами Косова Петра, который когда-то ходил по улицам и кричал «Я – большевик», а теперь кем стал, неизвестно. Приехали снова пять колчаковских офицеров и собрали народ у «монопольки» (торговый центр). В это время я заболел, чувствовал себя очень плохо, но был поздний вечер, и я всё-таки кое-как собрал силы и пошёл послушать, что они там скажут, какие новости. Крестьяне, как и прежде, стояли против мобилизации. Офицеры агитируют за восстановление «Учредительного собрания», значит, они были эсеры, так мне подумалось. Потом выступил новый председатель Совета Косов:

– Надо эту власть поддержать, они нам и мануфактуру дают и спички.

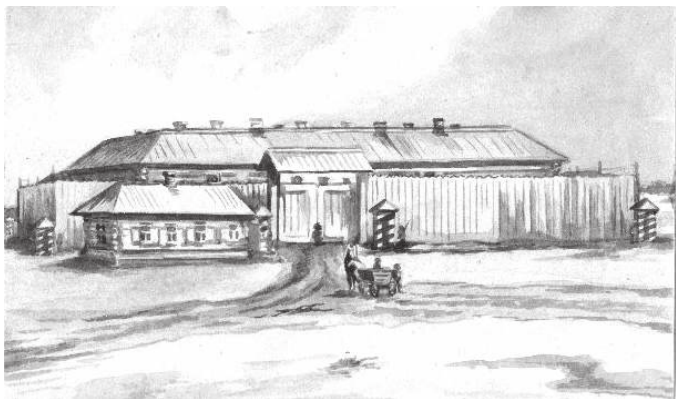
Тут я не выдержал и крикнул:

– Какие спички, Косов, какая власть, ты хоть понимаешь, кому служишь?

Он, конечно, осерчал, а я быстро в темноте скрылся. Утром уже не мог ходить, так заболел. Мне товарищи в раakitнике сделали шалаш, я лежал без памяти, подозревали, что у меня тиф. Товарищи тайно меня поддерживали, как могли, пытались лечить, но мне было очень плохо.

В таком состоянии меня и арестовали. Предал новый председатель волостного Совдепа Косов. Он узнал, где я скрываюсь, донёс милиции, а арестовали меня какие-то нездешние, приезжие милиционеры. Больного увезли в Каинск и посадили в большой подвал по па Родишевского. В тюрьму сразу не повезли, потому что считали меня тифозным. Через несколько дней ко мне в подвал бросили ещё двоих земляков: бывшего председателя Нижне-Каргатского волостного Совдепа Соловьёва и Гераскина. Они рассказали, что после того, как меня забрали, в село нагрянул карательный отряд колчаковцев из 57 человек, запугали людей, многих перепороли шомполами, мою жену, якобы, чуть не зарубили, кто-то там помешал. Потом уехали и оставили для порядка свою милицию. Вот такие пошли дела, перестали «заигрывать» с народом. Как-то моих земляков, сидевших со мной в подвале, повели под конвоем на речку Омь за водой с вёдрами, где-то конвой оплошал, и Соловьёву удалось бежать.

Только более-менее выздоровел, перевели меня в Каинскую тюрьму. Было это в конце ноября 1918 года. Первую новость,

Каинская пересыльная тюрьма. 19-й, начало 20 века

которую я узнал там, это то, что ещё летом расстреляли восемь человек наших товарищей: Закраевского, Папшева, Пиотровского, Медведева, Гуроля и ещё троих, фамилии которых не помню.

Здвинского в тюрьме с нами не было, его привезли из Новониколаевска позже, и он горе мыкал с нами. Тюрьма была переполнена, как никогда. Страшно вспомнить: ежедневно расстрелы, убийства, порки и другие издевательства, особенно жестоко относились к политическим. По-настоящему зверствовал начальник контрразведки Аркадий Соколов. Как к нему в кабинет заводили заключённого, он орал: «А..! Университетчики!» Снимает с гвоздя со стены резиновую палку и бьёт, по чему попадёт, да так, что тело под одеждой вырывается кусками. Начальником тюрьмы прислали из Ачинска подполковника Червякова. Этот кровожадный вампир позволял себе невыносимые издевательства над заключёнными.

Нашим товарищам-большевикам на воле удалось внедрить своего человека в надзиратели – Зонова Павла. Руководитель подполья, рабочий из Барабинска Карпунин сумел через своих людей достать и привезти из Новониколаевска два ящика ружей, несколько наганов и бомб. Передал через Зонова часть наганов и бомб в тюрьму, и было решено в подходящий момент в назначенное время поднять бунт и устроить массовый побег. Организовались в роты, взводы, отделения, назначили старших и ждали сигнала. Но нас предали. Первой жертвой стал в Барабинске Карпунин, а предал его же товарищ и, главное, почти случайно. Пьяный кому-то на базаре проболтался, и на него тут же донесли. Арестованный под пытками всё рассказал о наших планах. Карпунина тут же взяли, посадили в тюрьму и заковали в кандалы. Потом арестовали Зонова и сделали с ним то же самое. Одновременно нашлись предатели-доносчики и в камерах. Тюремное начальство, зная

всё это, подготовилось ко всему. Ситуация была тревожной, не все согласились, но большая группа всё-таки сделала попытку побега. Заключённые скрутили охранников, закрыли в камерах и карцерах и толпой бросились бежать. Сорвали ворота и выскочили на волю, но там их уже ждали и начали расстреливать в упор. Кто успел выскочить за ворота, были все или убиты, или тяжело ранены, остальные вернулись в тюрьму. Убежать успели только два уголовника: Иванченко из Северной волости и из Доволенской – Твердохлебов, которого потом считали организатором и руководителем 9-го Каргатского партизанского полка. В действительности организатором этого полка был Учайкин, погибший тогда у села Титово и как будто забытый, а память Твердохлебова была увековечена Советской властью. Он, конечно, заслужил этого, так как в борьбе с колчаковцами в том самом 9-м партизанском полку командовал батальоном, но всё-таки надо помнить заслуги и погибшего Учайкина.

После этой неудачной попытки побега нас, всех заключённых, две недели избивали не на жизнь, а на смерть, пороли и били без разбора. Забивали до того, что человек уже ничего не чувствовал. Сидит или лежит, как мешок с опилками, его бьют, а он и не шевелится даже и не реагирует на удары. Потом притащат в камеру и бросят, как мёртвого. Мы уж и не узнавали было друг друга, так глаза и лица были изуродованы. Думали тогда, что нас всех расстреляют, но они, как будто напившись крови, постепенно успокоились.

В ночь с 19 на 20 июля 1919 года в камеру Здвинского Моисея Станиславовича зашёл охранник, приказал одеваться и сказал, что его вызывает в контору начальник. Оказалось, накануне приходили требовать его смерти Каинские богачи – буржуи: Мошицкий, Коганы, Левако, Рыбников, Керес и другие. Моисей Станиславович попросил охранников дать

ему проститься с товарищами в большой камере, где нас было много. Зашёл к нам и сказал:

– Товарищи! За моей спиной стоят не конвоиры, а смерть моя. Меня сейчас убьют, я истеку кровью, но вы от моей крови должны закалиться и стать крепче стали и чище хрустала.

Конвоиры кричат из-за приоткрытых дверей: «Давай выходи, хватит там тянуть!»

– Успеете ещё расстрелять, ночь большая, – и продолжил своё обращение. – Товарищи! Хочу сказать, как бы ни было трудно, дурак тот, кто покушается на свою жизнь. Несмотря ни на что, её надо беречь до последней секунды. Ваша жизнь нужна другим, которые продолжают наше дело. Скоро здесь будут наши освободители из Европейской части России, Красная Армия разобьёт там врагов, придёт сюда и отомстит за нас. И эта толстопузая свора, как она нас ни бей, всё равно всех не перебьёт, она будет уничтожена. Кто-то же должен отомстить за нашу пролитую кровь. Сохраните себя, вы ещё будете очень нужны. Вот ты, товарищ Сурков, должен рассказать всё, нет, наверное они тебя не оставят в живых, ты, Гераскин, останешься живым, расскажешь на родине о наших мученьях и мучителях и будешь освещать путь в борьбе с этой буржуазной сворой. Прощайте, товарищи.

Сказав это, он взял свой пиджачишко, расцеловался с нами и вышел. Больше мы его не видели*.

Видно, у колчаковцев и белогвардейцев на Западе дела шли неважно, потому что здесь, в тюрьме, уже осенью от нас стали активно избавляться. Убивали целыми группами. Увели и расстреляли Бермана, Бейлина, Шумановича, Суходолова, Копейкина, Фурмана Л., Фурмана М., Михлина, Бугурусланова, Пушкарёва, Баранова. Артемьева отпустили на свободу. Мы в тюрьме подозревали его в доносительстве, в

* М.С. Здвинский был расстрелян 25 июля 1919 г. близ г. Каинска.

общие камеры не принимали, он сидел в одиночке. Потом на свободе он не пошёл к партизанам, а попытался сблизиться с буржуями, но они же его и расстреляли уже на воле.

Убивали арестованных беспощадно. Придут офицеры, вызовут кого-то из камеры, выведут за ворота ограды и тут же – пулю в затылок, вроде как при попытке к бегству. Утром пошёл кто-то за хлебом и не вернулся – значит убит. Надзиратель Рубанович Григорий из тюремной больницы вывел в ограду моего земляка Нижне-Каргатского Ядрина Дмитрия, выстрелил ему в голову и ушёл. Это только то, что я знал, а чего там было, чего мы не знали, не выскажешь. Общих камер с политическими было три, человек по пятьдесят и много одиночек.

Зашли как-то в камеру сразу несколько офицеров и обратились ко мне:

– Ты был комиссаром?

– Да, было такое.

– Пошли с нами – вывели на улицу и повели к воротам ограды.

Ну, думаю, всё, крышка мне. Я знал, что у них был такой приём: выведут за ворота и там убивают, вроде как при попытке убежать. Уже стали проходить ворота, и вдруг один офицер, не знаю почему, развернул меня обратно, толкнул в спину, сказал: «Иди назад к себе» и отругал другого офицера, мол, зачем тебе это надо? Значит, и среди них были тоже разные люди. Видно, судьба моя была такая, остаться живым.

Наступила зима, заканчивался 1919 год. Все вдруг заговорили о какой-то эвакуации заключённых Каинской тюрьмы, вроде нас куда-то собираются этапом перегонять. Зачем, почему, куда? Умные мужики догадывались, мол, гонит колчаковцев Красная Армия, скоро будут здесь, и нашим тюремщикам надо от нас как-то избавиться.

И вот в конце ноября нас, несколько сот человек, разбили по партиям и собрались вести. Конвоировали исключительно только унтер офицеры из колчаковской бригады генерала Красильникова. Кто был слаб или больной, тех добивали прямо в камерах. У многих была цинга, были и больные тифом. Однажды тяжело больных, которые лечились в городской больнице, привезли в ограду тюрьмы, положили прямо на снег, они стонали, кричали, но никто на них не обращал внимания, а потом покололи штыками прямо на месте. Видно было, что все конвойные и офицеры очень спешили. Наверное, всех сразу в тюрьме убивать было неудобно, вот и решили погнать партиями в Новониколаевск и по пути избавляться от арестантов. Конвойные почти всегда были пьяны, безбожно ругались, били нас, как хотели. Идём-идём по Сибирскому тракту, они остановят где-нибудь за деревней, человек десять-двадцать, а то и более отведут в сторону от дороги, чтобы не так было видно, постреляют, а остальных ведут дальше. Потом через какое-то время, пройдём ещё путь, они повторяют групповые расстрелы, и так много раз. Мёрзли, конечно, ночевали в деревнях в разных больших холодных домах или школах.

Однажды дошла очередь и до меня. Попал и я в большую группу для расстрела, отвели нас в сторону от дороги, солдаты уже взяли наизготовку винтовки, вдруг подъехал какой-то конный офицер, что-то сказал конвойным, они подошли и разбили нашу группу. Часть вывели и отправили дальше по дороге, в этой группе оказался и я, оставшихся тут же порубили и покололи штыками. Отстававших от колонны слабых просто кололи в спину штыками или добивали прикладами.

Чем ближе подходили к Новониколаевску, тем злее становились наши конвоиры, и тем меньше оставалось нас. На моих глазах зарубили хорошего товарища, железнодорожного

комиссара со станции Татарская, Николаева. Мужика из деревни Рождественка Купинской волости по фамилии Чудин трое пьяных конвойных, как будто для потехи, подняли на три штыка, он только захрустел, как капустный лист, упал, вытянулся и прохрипел: «Изверги вы, не люди» и больше не пошевелился. Вместе с нами гнали этапом и группу женщин. Уже где-то в конце пути, когда нас оставалось мало, а женщин было только шесть человек, остановились в поле возле большой скирды на ночлег. Зарывались от холода в солому, пьяные конвоиры рядом разожгли костёр, грелись самогонном, похабно ругались, а потом взяли этих женщин, увели за скирду и там надругались над ними. А утром, когда нас снова повели дальше, женщин уже мы не видели, они остались за скирдой, наверное, поколоты штыками.

Сколько ещё шли, не помню, только уже не было ни сил, ни терпения, я что-то огрызнулся конвою, и меня стали бить. Разбили лицо, сломали рёбра, руку, ногу, тыкали штыками, но, видно, как-то вскользь (пьяные были), пробили голову. Я вначале чувствовал невероятную боль, а потом потерял сознание и не помню, как меня добивали. Они, наверное, считали, что я мёртв и ушли, а я через какое-то время пришёл в сознание, пытался встать, но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой и снова как будто умер.

7

В сознание пришёл в Новониколаевске, в госпитале. Кто меня подобрал, кто сюда привёз, я так и не узнал. Что стало с оставшимися товарищами, тоже не знал. Наверное, их перебили, а мне, стало быть, повезло, потому что конвоиры были уверены, что я мёртвый, ведь на мне не было живого места, но я оказался живучим. В госпитале удивлялись, как это я смог выжить.

Какая была радость, когда узнал, что в середине декабря 1919 года Красная Армия освободила Новониколаевск от белогвардейцев-колчаковцев, и вот я чудом остался живой, и в госпитале вокруг меня свои люди, мои товарищи. Пролёжал я в госпитале полтора месяца. За этот срок не мог полностью выздороветь, и мне посоветовали ехать к себе в деревню, там, мол, ты быстрее оживёшь, а здесь, в городе, сейчас всем очень трудно, особенно с питанием. Куда мне было идти? На квартиру никто не возьмёт, денег у меня нет, да ещё еле двигаюсь – хожу с трудом с палкой. Я направился в городской революционный комитет (Ревком). Там я попал к военному комиссару Александрову, которому буду благодарен всю жизнь. Увидев меня почти калеку, он спросил, кто я, есть ли какие документы и что со мной произошло. Я ему кратко всё рассказал, а он внимательно слушал, потом завёл в кабинет, выписал с моих слов удостоверение, дал денег, сказал, чтобы я хорошо кушал, а ночевать ходил в госпиталь, он договорится. Ещё сказал, чтобы я заходил к нему, пообещал помочь доставить меня домой на родину.

Скоро он подобрал попутчика в мою сторону, попросил сопроводить меня до дома, выписал нам обоим документы и послал к коменданту для получения «литеров» на право проезда по железной дороге до Барабинска. Мы с сопровождающим пришли в комендатуру, которая располагалась на нынешнем Красном проспекте. Ожидали в кабинете, пока комендант был занят. Мне трудно было и сидеть, и стоять, я попросил разрешения как-то прилечь. Комендант положил меня на кушетку и под голову подложил свою шинель. Просил нас подождать, когда он освободится, было много неотложных дел, а потом, мол, поможет добраться до вокзала.

Вскоре заходит мужчина, который, видимо, там служил и говорит коменданту:

– Мне сказали знакомые ребята, что здесь в комендатуре находится человек, очень похожий на начальника Каинской тюрьмы.

Я насторожился, неужели такое может быть?

– Давай его сюда, – сказал комендант.

Заходит одетый в гражданскую одежду человек и начинает жаловаться, что его невинного ни в чём почему-то задержали, подаёт коменданту документы. Документы вроде правильные, и комендант задумался, не знает, кому верить. Тогда я встаю и говорю:

– Товарищ комендант, я же был узником. А этот человек был начальником Каинской тюрьмы, я его узнал и никогда не смогу забыть. Это подполковник Червяков, на его совести сотни расстрелянных и погубленных жизней. Я есть живой свидетель. И ещё, товарищ комендант, надо проверить, но мне показалось, когда мы шли сюда по коридору, там стояли ещё два переодетых бывших надзирателя, которых он привёз из Ачинска, я их запомнил, но просто не мог поверить, что такие люди могут оказаться здесь. Комендант попросил меня подойти к двери, приоткрыл её и попросил указать тех людей. Я показал. Червякова тут же арестовали, он признался, сказав лишь, что он всего лишь исполнял приказы высшего начальства. Комендант вызвал группу красноармейцев, приказал взять Червякова и тех двух людей, увести их и расстрелять.

Я смотрел на это всё и думал: надо же быть такому совпадению, получилось так, будто сбылись слова товарища Здвинского и кара настигла наших мучителей. Скоро нам с сопровождающим выдали проездные документы и проводили до вокзала.

В феврале 1920 года мы с сопровождающим товарищем хоть с трудом, но добрались до Нижнего Каргата (ныне Здвинск).

Конечно, жена и дети были рады, что я живой вернулся домой, а когда в Барабинске узнали, что я жив и нахожусь в Нижнем Каргате, наверное, ещё больше были довольны. За время правления колчаковцев очень многие наши товарищи были расстреляны или погибли в боях. Прав когда-то был товарищ Здвинский, что мы ещё очень пригодимся Советской власти. Надо было вновь всё восстанавливать, а нас, членов и сторонников РКП(б) остались единицы. Уездный ревком тогда был в Барабинске, и очень скоро прислали бумагу, чтобы я к ним как угодно, но прибыл. Конечно, я поехал. Встретили меня с почётом, надеялись, что сразу смогу работать, но я ходил пока на костылях, раны ещё не зажили, дрожали руки от слабости. Вернулся домой поправляться, а следом получил пакет с назначением меня председателем Нижне-Каргатского Ревкома и передали партбилет члена РКП(б).

Когда мне стало лучше и начал работать, снова вызвали в Барабинск и приказом назначили комиссаром уезда. Работы было много. Ездил по сёлам уезда, это было не безопасно, так как, оказалось, всюду оставалось ещё много наших врагов, контрреволюционеры готовили заговоры против Советской власти то в одном, то в другом месте. Приходилось организовывать в сёлах партийные и комсомольские ячейки, многим давал свою рекомендацию для вступления в нашу партию. Но врагов было немало, многие бывшие белогвардейцы и колчаковцы под разной личиной селились в деревнях, особенно далёких от центров. Фактически весь 1921 год был посвящён борьбе с ними. В селе Хапово группой антисоветчиков руководил ярый контрреволюционер Ковальчук Анисим, там меня однажды чуть не убили. Этот заговор охватывал несколько сёл. В Барабинске уездный военком выделил мне в помощь отряд красноармейцев. Мы смогли потом обхитрить Ковальчука. Я приехал в Хапово, он собрал своих сторонников, и

они погнались за мной, хотели убить, я поскакал в сторону деревни Чича, а там, как мы и договаривались, их перехватил наш отряд. Ковальчука взяли, а с остальными участниками заговора разбирались позже.

В селе Верх-Каргат также противники власти чуть не убили их односельчанина, милиционера Меховича Василия.

Революционный комитет перевели в город Каинск, где я уже скоро делал доклад о положении и событиях в Нижне-Каргатской волости. К этому времени в селе уже была создана партийная организация из 57 человек и 43 комсомольцев. С их помощью удалось выявить в селе Хапово всех участников заговора Ковальчука, изъяли много оружия, выявили всех главных заговорщиков, а многих заблудших отпустили. Был раскрыт заговор также в селе Верх-Каргат, но там оружия изъято было намного меньше. Собрали митинг жителей села, поговорили на эту тему, и всё успокоилось.

Очень крупный заговор был раскрыт в селе Ильинка, в котором участвовали люди и из соседних сёл. Когда мы узнали, что там готовится, я поехал в Каинск, и мне вновь военком выделил отряд красноармейцев. Отряд расположился вокруг деревни, а я с небольшой группой вошёл в село и организовал общий митинг жителей. Я выступал, а 12 красноармейцев с винтовками встали чуть в стороне. Вдруг раздался голос из толпы: «А...! коммунисты, бей их!» и бросились на красноармейцев, пытались их разоружить. Пришлось применить оружие. Вначале выстрелили в воздух, а потом завязался настоящий бой, были убитые и раненые. Быстро пришёл наш отряд с военкомом и народ разбежался. Организатором этого заговора оказался местный поп-священник, но когда в его доме стали проводить обыск, нашли в сундуке документы. Он вовсе не был попом, а оказался бывшим помещиком аж из Рязанской губернии. Сюда был внедрён отступающими

колчаковцами попом, чтобы вести подрывную работу против Советской власти и многого здесь добился. Всего по сёлам было арестовано 44 человека.

Как-то во время проведения Нижне-Каргатской волостной конференции мне прислали записку с просьбой приехать в Ильинку, есть, мол, вопросы. Я поехал, провёл там собрание, ответил на интересующие их вопросы, объяснил цели и задачи нашей партии, и через некоторое время удалось там создать партийно-комсомольскую ячейку из 16 человек, я за них за всех и поручился. Там же была организована вооружённая группа сторонников нашей власти, которая помогла выявить и искоренить остатки заговорщиков.

Уже в 1922 году нам удалось выявить и ликвидировать заговор антисоветчиков в селе Верх-Урюм. Руководил им человек из Новониколаевска по фамилии Хорин, он также был внедрён отступающими белогвардейцами.

Много было работы, масса проблем. Оставалось ещё много скрытых врагов нашей власти, но жизнь постепенно налаживалась, и Советская власть укреплялась. В последующие тридцать лет я по решению партийных органов занимался самой разной хозяйственной работой в Каинске, Каинском уезде на разных предприятиях, был организатором первых советских хозяйств (совхозов) в сёлах. Трудился честно, время было тяжёлое, старался помогать людям. В марте 1947 года вышел на пенсию по состоянию здоровья и по инвалидности».

Эпилог

Пройдёт немного лет и деду вновь придётся на какое-то время стать узником той самой Каинской тюрьмы, но поместят его туда уже не враги, а свои однопартийцы, со многими из которых он боролся за Советскую власть и много лет

добросовестно трудился на тех должностях, которые ему поручала партия.

Мы знаем из истории, что в предвоенные годы в Советской стране проводилась «чистка» рядов членов ВКП(б). В те годы шла бескомпромиссная борьба с троцкизмом, с так называемой, «пятой колонной», всячески вредившей и мешавшей строительству социалистического общества. Под эту статью было исключено из партии и арестовано, кроме действительно «врагов народа», немало и невинных людей. У обиженных в период становления Советской власти появилась возможность отомстить своим обидчикам. Для этого было достаточно просто написать, пусть даже анонимный донос в ГПУ, а эти органы обязаны были реагировать и принимать решения. Законы в то время принимались очень строгие и также строго и неукоснительно исполнялись. По таким доносам было репрессировано немало бывших командиров и комиссаров Красной Армии. В высших эшелонах руководства страны шла жестокая политическая борьба, которая, конечно, отражалась и «внизу», на народе.

Зная биографию Матвея Михайловича Суркова, легко предположить, что у него было немало врагов и недоброжелателей. В 1937 году его арестовали по чьёму-то доносу. Разбирались, допрашивали, «пришивали» какое-то дело, как он сам потом рассказывал, приходилось порой и с кулаками доказывать свою правоту: «Меня били, и я – бил!» В итоге, разобрались и отпустили «за отсутствием состава преступления».

И вновь – работа, особенно трудная в военные и послевоенные годы и в 1947 году – на шестьдесят первом году – выход на пенсию по инвалидности (2-я группа). Доживал свою жизнь в Здвинске с дочерьми Октябриной и Валентиной в построенном ими самими из пластов дёрна доме и в январе 1952 года, как говорят в народе, Бог послал ему в награду за все труды и

страдания «лёгкую» смерть. Сходил посидеть, поговорить к соседям, вернулся домой, «что-то неважно себя чувствую» – сказал, присел отдохнуть на высокий порог и... умер.

Я видел своего деда один раз в жизни летом 1947 года, когда мне было всего пять лет, но событие это, эта встреча крепко врезалась мне в память. Известно, что детская память избирательна и «помнит, что хочет». Матвей Михайлович вышел на пенсию и с каким-то мелким скарбом на лошади, запряжённой в бричку с «дробинами», ехал доживать отмеренные ему годы на свою вторую родину в Здвинск, а по пути заехал к нам в Шубинский совхоз (ныне село Шубинское) Барабинского района, где мы с мамой и братьями, семилетним Юрой и двухлетним Витей, жили.

Жили мы в деревянном длинном бараке квартир (комнат) на восемь-десять. Я помню, что гулял тогда в ограде дома и вдруг увидел прямо у входа в сени нашей квартиры запряжённую в бричку лошадку. Конечно, это не могло не заинтересовать пятилетнего малыша. Как я потом узнал, что заезжал к нам на очень недолгое время мамин отец, которого я тогда ещё не мог воспринимать как родного человека, так как видел впервые. Вообще, ввиду отсутствия в семье мужчин, я их стеснялся и, можно сказать, побаивался мужиков вообще, поэтому, если кто-либо из них ко мне обращался, то я, опустив голову и глядя вниз, молчал, боясь взглянуть в лицо взрослому собеседнику. Обычно в таких редких случаях он (мужчина) смеялся и интересовался, не немой (глухонемой) ли я? Отца я тоже побаивался, потому что он с нами жил мало, а больше – по больницам и санаториям, а если был дома, то к нему подходить близко не разрешалось, якобы, он мог заразить нас опасной болезнью (отец наш в 1944 году был комиссован с фронта по ранению, потом у него развился сопутствующий ранению туберкулёз лёгких).

Так вот, увидев лошадку, я постоял, подумал и пошёл к себе домой, чтобы удовлетворить любопытство. Прежде нужно было пройти через сделанные из частокола и обмазанные с обеих сторон глиной сени и подняться по трём ступенькам внутреннего крыльца в наше жильё. Вошёл и увидел взволнованную маму, которая разговаривала с высоким, усатым дядькой или дедом. Мама тут же обратила на меня его внимание, он оборотился, слегка наклонился в мою сторону, спросил, как меня зовут, я – промолчал, и они с мамой продолжили о чём-то говорить.

Был он у нас недолго, наверное, спешил, так как даже не раздевался и вскоре стал прощаться и вышел. Только он вышел, мама вдруг сунула мне в руки алюминиевую чашку (они нам заменяли тарелки), и тихо, но внятно и настойчиво говорит:

– Вова, это был твой дедушка – мой отец. Беги вниз, дедушка обещал дать нам творога. Беги.

Я спустился по ступенькам крыльца, подошёл вплотную к деду, держа двумя руками пустую чашку на уровне груди. Он уже собирал вожжи, чтобы ехать, но, увидев меня, недоумённо посмотрел и спросил:

– Чего тебе? – я молча чуть приподнял чашку.

– А, – сказал он, – совсем забыл, чуть не уехал.

Взял из моих рук чашку, из кастрюли, стоявшей в бичке и прикрытой фуфайкой, зачерпнул полную чашку творога и протянул мне.

– На, сынок, держи крепко, не рассыпь, неси маме.

Я молча повернулся и пошёл в дом, а дед сел в бичку и уехал. Больше я деда не видел.